

— Как же, как же, мы тут не вмешиваемся в чужие дела. — Дядюшка Пятый усмехнулся.

— Тьфу, чужие дела тебя не интересуют, а вот сколько у них зерна осталось — это ты, наверное, очень хочешь узнать? — Это был Чжэн Чжаньпэн, который недавно потерял родителей и теперь говорил без церемоний. Именно этот старик приходил к ним во двор за свиньями, и если бы не он, его родители, возможно, до сих пор были бы живы.

Но если разобраться, сам он тоже был не прав. Дикий кабан ведь не был его собственностью, и Гао Чан мог распоряжаться им как хотел. Да и жизни других деревенских тоже чего-то стоили. В тот день, когда Гао Чан отдавал кабана, он даже спросил мнение Чжэн Чжаньпэна, и тот ответил, что кабан принадлежит Гао Чану, и тот волен делать с ним что угодно. Теперь же в его душе клокотала злоба, и он говорил резко, без обычной дипломатии.

— Дядюшка Пятый, ты поступил несправедливо.

Слова Чжэн Чжаньпэна заставили даже Чжэн Гобана, который обычно уважал стариков, нахмуриться. Если это правда, то Дядюшка Пятый сначала разузнал обстановку в Сивэе, возможно, даже применил какие-то хитрости. Теперь он предлагал переселить людей из Сивэя в Шанкань и Аоли, забрав себе тех, у кого дела получше, а остальных, у кого нет ни зерна, ни соли, оставить в их дворе. Это было слишком несправедливо.

— Кто куда переселится — это их личное дело, а вы слишком много думаете. — Дядюшка Пятый сохранял спокойствие.

— Кто знает, может, ты уже пообещал кому-то выгоду?

Все думали, что старик мог пообещать тем, у кого есть зерно, что они смогут жить в его дворе без арендной платы. Но когда они переедут, а еды будет не хватать, кто сможет удержать зерно? В Аоли доверия к Дядюшке Пятому не было.

— Вы тоже можете предложить им что-то. В конце концов, решение за ними, а не за нами.

Старик явно собирался стоять на своём.

Гао Чан, развалившись на кресле и постукивая ногой, сказал:

— Дядюшка, мне кажется, твоя идея не очень хороша. Лучше бы люди из Сивэя вообще не переезжали. Из-за двух диких кабанов мы заставляем половину двора переселяться, а лето уже на носу, будет жарко. К тому же ты уже забрал всё лучшее, а остальное — это крохи. За двух кабанов это того не стоит.

— Не переезжать? А что им тогда делать?

Дядюшка Пятый был удивлён, что Гао Чан может говорить так бессердечно.

— Что делать? У каждого своя судьба. Если они выдержат, пусть продолжают терпеть, а три кабана пусть остаются с ними. Если не смогут, то кабаны уже не помогут, и мы заберём их. Это естественно.

Гао Чан говорил спокойно.

— Так ты хочешь, чтобы они ждали смерти у себя во дворе? Если вы действительно не хотите помочь, пусть переезжают к нам в Шанкань.

Усы Дядюшки Пятого дрожали, он явно злился.

— Кого ты обманываешь?

Даже дядюшка Цуй, который обычно молчал, вступил в разговор.

— Ваш Шанкань и так уже переполнен, а вы хотите ещё десятки человек туда втиснуть. Не боитесь, что начнётся эпидемия?

— А не случится ли так, что люди не успеют переехать, а кабанов уже уведут?

Дядюшка Цзю тихо фыркнул.

Когда Дядюшка Пятый приходил за кабанами, он уже тогда вызывал недовольство. Но тогда все во дворе не смогли объединиться. В моменты жизни и смерти каждый думает о себе. Кабаны были добыты Гао Чаном, и если бы они оставили их у себя, что бы они могли сказать?

Смерть — это смерть. Нет смысла распределять её между дворами. К тому же Дядюшка Пятый весьма умен, и в его дворе, вероятно, есть запасы зерна. Если люди из Аоли начнут голодать и пойдут в Шанкань, действительно ли они поделятся зерном? Вряд ли!

— Так что вы предлагаете? — спросил Дядюшка Пятый.

— В их дворе не так много людей, мы можем распределить их между нашими дворами. Но кто куда переселится, мы решать не будем, и они тоже. Давайте бросим жребий. Как вам идея?

Предложил Чжэн Гохун.

— Я боюсь, что люди из Сивэя не согласятся. Это несправедливо, что они не могут решать свои собственные дела.

Молодой человек рядом с Дядюшкой Пятым вступил в разговор.

— Мы тоже не можем решать, кто переедет в наш двор. Если они хотят переехать, пусть переезжают, если нет — пусть остаются.

Чжэн Гохун говорил твёрдо. Нельзя позволять Дядюшке Пятому всегда получать выгоду. Хотя он и является старейшиной деревни, Шанкань в основном населён его родственниками, поэтому он заботится о своих потомках, и это понятно. Но если он будет всегда пытаться получить выгоду за счёт их двора, то в конце концов они перестанут считаться с его авторитетом.

В тот вечер представители двора Аоли во главе с Гао Чаном и двора Шанкань во главе с Дядюшкой Пятым вместе с людьми и жребиями отправились в Сивэй. Дело прошло относительно гладко. Люди из Сивэя, пережив это событие, были напуганы. Дворы Аоли и Шанкань были больше, с большим количеством людей и кабанов, поэтому переезд в любой из них был предпочтительнее, чем оставаться в Сивэе.

Чжэн Гохун попросил мужчин двора помочь убрать зал, а затем разделил его на несколько маленьких комнат, чтобы поселить там семьи из Сивэя. Теперь их двор-саньхэюань больше не имел зала. Просторный зал превратился в комнаты и узкий коридор. Теперь все дела обсуждали либо у чьих-то дверей, либо во дворе.

Три кабана из Сивэя в итоге увел двор Шанкань. Дядюшка Пятый, хитрый старик, ночью вывел женщин и детей из двора, плача и кланяясь, благодаря Гао Чана за четырёх кабанов, которые спасли их жизни. Гао Чану стало стыдно настаивать на возвращении кабана, и он мог только смотреть, как люди из Шанканя уводят его.

Гао Чан и его люди поместили оставшихся двух кабанов в свиной ров. Поскольку они были от одной матери, кабаны быстро привыкли к пяти другим кабанам в рву, и между ними не возникло конфликтов.

Ещё до рассвета Дядюшка Пятый приказал перевезти тысячу двести цзиней зерна во двор Гао Чана. Это было зерно прошлогоднего урожая, не старое, что можно было считать честным.

Если бы Гао Чан не принял это зерно, люди из Шанканя не смогли бы чувствовать себя спокойно. В случае ухудшения ситуации, если бы крыс стало больше, люди из Аоли, доведённые до отчаяния, могли бы попытаться забрать кабанов. Ведь кабаны были подарены, и забрать подаренное обратно не казалось чем-то невозможным. В случае конфликта двор Аоли, с его большим количеством людей, имел бы преимущество.

Приняв тысячу двести цзиней зерна, пять кабанов стали законной собственностью людей из Шанканя. Теперь, что бы ни случилось, у людей из Аоли не было оснований требовать их обратно. Хотя они были недовольны, они понимали, что вернуть кабанов будет крайне сложно.

Проблема с зерном пока не была настолько критичной, как проблема выживания, поэтому, если разобраться, обмен кабанов на зерно был убыточной сделкой. Но если уж терять, то всем вместе. Поев этого зерна, они перестанут называть его дураком. Гао Чан, глядя на гору зерна во дворе, громко крикнул:

— Кому не хватает зерна, говорите сейчас, потом будет поздно!

<http://bllate.org/book/15437/1369056>